

Россия пересочиняет Восток

В.Мараховский

В течение последнего века Россия раз за разом обнаруживала, что считает Европу родной, но рассматривается данным родственником как существо чужое и подлежащее уничтожению. Рискну предположить, что причина этой трагичной невзаимности не в том, что Россия «не поняла Европу правильно», а, наоборот, в том, что поняла ее слишком точно, без учета различий.

Уважаемые читатели! В архивах психолингвистики есть ряд занятных наблюдений, касающихся деревенских полиглотов Восточной Европы конца XIX века. Эти люди — как правило, совершенно неграмотные — в совершенстве говорили на нескольких языках, зачастую считая их все своими родными. Но если их просили перевести какую-нибудь фразу, положим, с немецкого на румынский или со словацкого на венгерский — они отчаянно тупили, не понимая, как можно что-то вообще в этом мире «перевести». Причина была в том, что каждая фраза на каждом языке в их мире была намертво приварена к контексту. Даже попросить соль по-немецки и по-румынски для них означало две разные просьбы, ибо с первой обращались к торговцу в городе, а со второй — к соседке через плетень.

У современных любителей японской культуры та же проблема возникает с японцами. Те, выслушав японский язык любителей и похихикав, поясняют, что учиться по аниме — не лучшая идея, ибо в аниме каждый персонаж говорит на искусственном, декоративном квазидialeкте, соответствующем его полу, возрасту и социальным параметрам. В обычной же японской жизни царит нейтрально-вежливый язык, которого в мультфильмах не услышишь.

Способность что-то «перевести», таким образом, требует от нас наличия известной нейтральной (или абстрактной) территории, на которой соль перестает быть румынской или немецкой, а становится просто солью.

Иногда это возможно, но такое нейтральное пространство всегда довольно ограничено. Так, например, слово «болото» в венгерском означает просто тип местности, в русском в нем заводятся кикиморы и смутная угроза забвения, а в финском «болото» имеет приблизительно те же эмоциональные характеристики,

что у нас «сыра земля».

Все это подводит нас к вопросу о том, насколько вообще возможен так называемый «диалог культур». По понятным причинам есть основания полагать, что диалог этот в действительности всегда является взаимным пересочинением культур и степень взаимопонимания чрезвычайно зависит от того, «насколько тот Китай, что представляю себе я, конфликтует с тем Китаем, что представляет себе китаец».

Многие начитанные наши соотечественники, безусловно, знакомы кое с чем из китайской классики (например, пытались штудировать какой-нибудь из классических романов). Однако говорить о том, что знакомство с китайской классикой даже в самых лучших переводах делает нас ближе к пониманию китайского мировоззрения, следует с крайней осторожностью. Мы слишком различны, и когда читаем всё это по-русски — то читаем по меньшей мере наполовину переводчика и те аналогии, которыми он попытался заместить оригинальные сущности китайской жизни.

Чтобы культуры начали друг друга кое-как понимать, им требуется не просто очень долго прожить рядом или вместе — нужно еще и синхронизировать свою повседневность, а зачастую и не только повседневность, но и богов. Покуда такой синхронизации нет — не может быть и истинного взаимопонимания. Евреи жили в Венеции столетиями — и столетиями же диспутировали с итальянцами о божественном: однако сама длительность споров говорит об их бесплодности. У обеих сторон было свое, непере译имое чувство божественного, коренящееся в значительной степени в личном, ничем не заменимом эмпирическом опыте.

Впрочем, это отсутствие взаимопонимания на высшем уровне не мешало синхронизации на уровнях более бытовых: интриги, лирика, деньги и секс свободно проницали стены гетто в обе стороны. Постепенно и само гетто пронизывалось культурой окружения. В результате прошло лет семьсот, и даже фашизм Муссолини не увидел в своих итальянских евреях ничего особо чужеродного, а евреи, со своей стороны, итальянизировались настолько, что главный раввин Рима, прятанный от немцев у друзей-католиков, после войны произвел большой скандал, перейдя со своим семейством в христианство.

Это говорит нам о том, что взаимопонимание культур все же возможно —

настолько, насколько их структуры повседневности способны сблизиться.

Фокус в том, что существуют сближения, не требующие взаимопонимания до степени срастания.

Например, людям совершенно незачем становиться пчелами для того, чтобы озаботиться угрозами, возникающими для пчел с использованием пестицидов: достаточно просто воздерживаться от применения химикатов, которые несут риски вымирания для этого незаменимого элемента экосистемы.

И для того, чтобы чему-то научиться, скажем, у Китая, не обязательно становиться Китаем. Если «китайский» опыт, сформулированный по-русски поколениями востоковедов и философов, пересочиненный и переосмысленный, на поверку окажется годным к применению в России — то нет никакой беды в том, что он не будет идентичен оригиналу.

Скажу больше: это тот случай, когда оставаться идентичным оригиналу перенимаемому опыту противопоказано. Ибо опыт Китая годен только для Китая — и если в КНР решили построить «социализм с китайской спецификой», не слишком похожий на социализм советский, то более чем правильно и в России строить «конфуцианство с российской спецификой», как бы оно мало ни походило на китайское.

В течение последнего века Россия, будучи уникальным гибридом суверенной повседневности и импортированно-переводной «высокой культуры», неоднократно сталкивалась с одной и той же проблемой: она раз за разом обнаруживала, что считает Европу родной, но рассматривается данным родственником как существо чужое и подлежащее уничтожению.

Рискну предположить, что причина этой трагичной невзаимности не в том, что Россия «не поняла Европу правильно», а, наоборот, в том, что поняла ее слишком точно, без учета различий. Русские гуманитарии веками принимали себя за европейцев (что очевидная глупость), а европейцев за себя (что тоже очевидная глупость).

Но сейчас, кажется, те три столетия, которые длилось это увлечение, понемногу завершаются.

Сегодня мы переживаем довольно драматический — и грозящийся отдаваться в веках — разворот: в очередной раз убедившись, что наш воображаемый родственник в действительности не признает свое родство и

мечтает нас уничтожить, мы всей нацией отворачиваемся (в экономическом и политическом смысле) от него.

И естественным образом взгляд наш падает на Восток.

В свете этого логично было бы представить себе нюансы взаимопонимания, которое нам предстоит выстраивать.

Главные из них, надо думать, сводятся именно к тому, что понятийный язык нашего взаимопонимания является сейчас и будет еще долго понятийным языком нашего (общего с Востоком) исторического оппонента и противника, если не сказать врага.

В этом, однако, вряд ли стоит искать какой-то повышенный драматизм. В свое время германцы, удачно противостоявшие Римской империи и в итоге успешно обнулившие ее западную часть, столкнулись с тем фактом, что часть их, переселившаяся на территорию нынешней Франции, перешла на местный язык, в то время как вторая часть осталась верна германским корням.

В итоге дипломатия между протофранцузами и протонемцами велась на латыни — языке общей религии.

Сегодня перед Россией, с одной стороны, и Китаем/ЮВА — с другой — не стоит, к счастью, задача любить друг друга всем сердцем или понимать друг друга глубоко.

Наша задача проще. Нам не нужно молиться одним богам и на одном понятийном языке. Наши текущие и среднестратегические задачи куда незатейливее: не дать себя убить прогрессивному, передовому и толерантному миру, который счел уже и нас, и Восток врагами и приговорил к выбору между так называемой стратегической покорностью, представляющей собой медленный суицид, и гибелью быстрой.

Удача нынешнего исторического момента для обеих сторон (нас и таинственного Востока) состоит в том, что у них нет ни причин, ни возможностей для взаимной агрессии. На повестке дня стоят сущности куда более предметные, вполне описываемые формальным английским языком международного общения. То есть тоннокилометры, полупроводники, пшеница, нефть, газ, товары народного потребления, редкоземельные металлы и совместные военные учения.

Что касается «внутреннего Востока», то есть импортированной отсюда

мудрости, пересочиненной по-русски, — то, как представляется, лучшее, что мы можем и должны из нее перенять, есть прекрасная способность не унывать.

И работать сегодня, завтра и послезавтра для того, чтобы «уже к началу XXII столетия достичь ряда значимых результатов».